

Завтра исполняется 150 лет со дня рождения

Л. Н. Толстого

ВЕЧНО ЖИВАЯ ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

У ЧЕЛОВЕЧЕСТВА есть несколько имен, к которым обращено сердце культурного человека. Имя Льва Николаевича Толстого не только гордость нации русской, но достояние интернациональное. Можно открыть и будут открыты удивительные законы природы, выведены потрясающе точные математические формулы, но литература, искусство — это нечто другое, чему нет объяснения.

Не появившись Толстой, и мы, человечество, были бы лишены чуда, озаряющего наше бытие откуда-то изнутри. Ибо Толстой из тех писателей, свойство произведений которых, — **зажигать свет внутри души человеческой.**

Не появившись Толстой, и не было бы у нас «Войны и мира», «Анны Карениной», «Хаджи Мурата». А этого даже представить себе и то невозможно. Ибо Толстой — часть нашей жизни, вечно живущая душа человеческая.

Мне всегда казалось, что главным предметом изображения великого писателя были не события или случаи, не психологические искривления или конфликтные начала в отношениях человека и государства, о чем Толстой мучительно размышлял. Нет. Главным для писателя была душа человеческая, ее сила и бессилие, ее радости и ужасы, ее слезы и улыбки, ее выход на прямую связь с теми высокими помыслами, которым должны быть подчинены все наши души.

О Толстом так много написано, мне к этому уже трудно или невозможно прибавить что-либо.

Нам дорого, что Лев Николаевич Толстой при всей своей всечеловечности — явление остро национальное. И это не потому только, что в его произведениях лес русский и небо над этим лесом российское — нет, не потому он русский писатель. И даже не потому, что так прекрасно знал он и живописал народную жизнь, историю и быт. Нет. Русский он потому, что главным свойством его любимых героев стала приносящая русскому человеку попытка стать выше души собственной. Не чьей-нибудь, а именно собственной. Это желание подняться над собой, озарить собственное Я своим светом с полной уверенностью, что этого хватит и на других.

По-моему, самая главная мысль Толстого — познать самого себя, следы за своими поступками, воспитывая себя. Знай, что ты — носитель Добра, пусть душа твоя созревает до высочайших нравственных и гуманных порывов. Они, порывы эти, необходимы не только тебе, но и всему человечеству, чтобы поднять его и облагородить.

Почему-то, говоря о Толстом, мы даже и не вспоминаем о такой, например, любопытной подробности, что он был вегетарианцем. И что это не из гигиенических соображений, нет, а вследствие высокой гуманности. Я был в Индии, меня не удивило, что мудрая, добрая, многонациональная эта страна имя Толстого почитает как имя священное.

Мне кажется, что мы, читая Толстого, говоря о Толстом, по-настоящему Толстого не знаем. И даже, больше того, слишком поспешно и бездумно стараемся отмежеваться от его взглядов на жизнь.

Толстого я начал читать в детстве. С тех пор я успел прочесть его несколько раз. Да и сейчас я время от времени беру с полки ту или иную его книгу и продолжаю, продолжаю, продолжаю читать и познавать Толстого.

Цель этого моего короткого слова — желание сказать: идите к Толстому, познавайте его. Толстой неисчерпаем. Он, словно гора, стоит неколебимо и излучает свет на весь не имеющий ни конца, ни начала мир человеческий. Черный мышонок непротивления злу и прочее так называемое толстовство не есть создание этой горы — это лишь игра теней у подножия гигантской белоголовой скалы, которая не преклонялась ни перед суровой действительностью, ни перед царским строем, ни перед насилием и лицемерием.

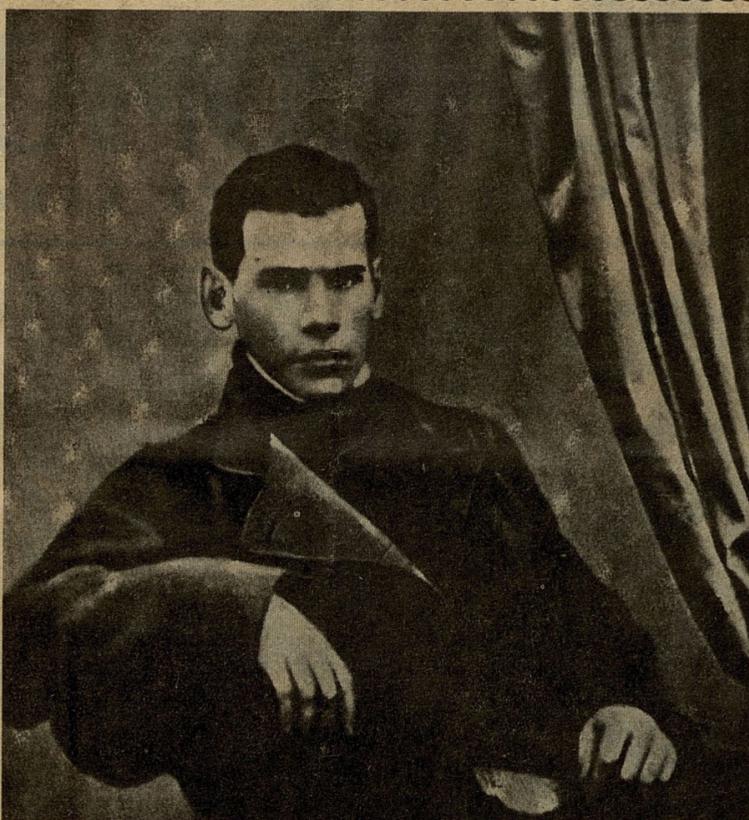
Толстой для меня — это умение светлосмыслить. Толстой — это стремление к нравственному совершенству, стремление воспитывать в себе силу, чистоту, беспредельное трудолюбие.

Толстой — это умение идти своей дорогой гордо, уверенно и красиво, сопротивляясь злу.

Толстой — это высокая мечта, на вершине которой светится познавшая себя душа всечеловеческая.

В. ГОНЧАРОВ.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

Л. Н. ТОЛСТОЙ. (1849 год).

«Война и мир»... Это — великое произведение великого писателя, — и это подлинная Россия».

И. С. ТУРГЕНЕВ.

«...Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознать, что ничего не сделал и не сделал, не так страшно, как как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех чаяний и надежд, какие на литературу возлагаются».

А. П. ЧЕХОВ.

«В сущности — ужасно глупо называть человека гением. Совершенно непонятно, что такое гений? Гораздо проще и яснее говорить — Лев Толстой...»

М. ГОРЬКИЙ.

«Человек, прочитавший Толстого, выносит из этого события своей жизни ощущение, что он обрел какую-то новую пронизательность, больше стал понимать и сама мысль его стала масштабнее».

ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ.

«Все человечество узнает себя в его творениях, ибо он сам вмещал в себя то, что присуще всему человечеству».

АНРИ ТРУАЙЯ.

«И понине поразительно, сколько знал он человеческого и во внешних проявлениях и в сокровенных его сторонах».

ИМРЕ ДОБОЗИ.

«Величайший и единственный гений современной Европы».

А. БЛОК.

«Эпоха подготовки революции в одной из стран, придушенных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

В. И. ЛЕНИН.

Л. Толстой: «РАЗНООБРАЗИЕ ТРУДА ЕСТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ»

ЕСЛИ перечитать под ряд все письма Л. Н. Толстого к В. В. Арсеньевой, в которую он был влюблен в 1856—1858 годах, то можно с полным основанием сказать: в них звучит не только гимн любви, но и гимн труду. Впрочем, у Толстого эти два понятия очень тесно связаны. Любовь может сделать труд особенно радостным, вдохновенным, торжествующим. Высшее счастье видит Толстой в труде, самоотвержении и любви. Понятие труда становится у него понятием жизни, счастливой жизни. Известно знаменитое письмо Толстого к А. А. Толстой, написанное в октябре 1857 года, в котором он писал: «Только честная тревога, борьба и труд, основанный на любви, есть то, что называется счастьем».

Счастье и труд стоят рядом.

В ранние годы укрепляется в Толстом мысль о том, что каждый человек должен любить физический труд. Для него самого это стало первой потребностью. В письмах 1860-х, 1870-х, 1880-х годов находим знаменательные записи: «Тоскую без физической работы», — записывает в дневнике 56-летний Толстой. «Меня так и тянет косить, рубить», — пишет в письме к Черткову 57-летний Толстой. «Встал в 6, возил сено, свез 5 возов и косил», — подобными записями за-

полнен дневник 1889 г., когда Толстому шел 62-й год. Занятия физическим трудом (Толстой отлично владел всеми видами крестьянского труда) давали ему, кроме всего прочего, подлинное вдохновение, успокаивали раздраженный ум, помогали обрести душевное равновесие. В горькие минуты, когда Толстому казалось, что он потерял главное направление в жизни (таких минут было много у него в начале 60-х годов, в период временного охлаждения к литературе после неудачи с «Семейным счастьем»), он упрямо твердил самому себе: «Одно средство жить — работать».

Переход от физического труда к умственному был для Толстого так же радостен, как и увлечение крестьянской работой в поле. Он признался в письме к В. Чичерину от 21—23 августа 1858 г.: «Я не могу заниматься чем-нибудь, кроме того, что и тобой не занимался, теперь же, в эту минуту, я весь в тебе и отдал бы все скруды, сложенные моими трудами, за вечер с тобой. — Хочется опять умственных волнений и восторгов, которые, однако, мне так надоели, что я 4 месяца отдал от них в физическом труде, хочется слушать тебя, разгадывать, даром, мгновенно, ловить трудом выработанную мысль, усвоивать их, цеплять одну за другую и строить миры новые, гро-

мные, с одной целью: любоваться на их величавость».

С чувством горечи, боли и стыда наблюдал Толстой жизнь своей семьи, где было достаточно праздных людей. «Легкомыслие, барство, нежелание трудиться» — вот что видел Толстой в окружающей его повседневной жизни. Видел — и глубоко страдал. Было невыносимо тяжело участвовать в этой жизни, временами охватывало отчаяние и тоска («В слабые минуты хочется умереть»), стыдно было даже видеть, как тяжело трудятся другие («Вчера проехал мимо бьющих наемных, точно меня сквозь строй прогнались»). И все яснее становилось, что даже самые близкие «не то что не поймут, но даже не обратят внимания на твои чувства». (См. письмо к М. Л. Оболенской 12 января 1897 г.)

В сердце Толстого прочно перепелась боль, вызванная трагедией личной жизни, с болью за страдания миллионов людей.

В борьбе за человек коммунистического завора высказывания Толстого о труде по-прежнему действительны. Он учит молодежь находить свое место в жизни, любить свое дело, быть мастером, умельцем, талантливым тружеником.

Б. ШУМОВА,
научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого.

— Игорь Владимирович, недавно вы сыграли на сцене роль Льва Николаевича Толстого — в спектакле Малого театра «Возвращение на круги своя». Было бы интересно узнать о ваших самых ранних впечатлениях, связанных с Толстым.

— Знакомство с Толстым началось у меня очень давно, в раннем детстве. Мне, пятилетнему мальчику, прочитали рассказ, вернее басню в прозе «Старый дед и внучок» из «Первой русской книги для чтения». Если помните, это коротенькая история о том, как ребенок невольно пристыдил родителей за жестокое отношение к дряхлому деду. Она буквально пронзила меня, заставила первый раз понять, как важно внимание, уважение к человеку, особенно в его старости. Острота детского впечатления не изгладилась до сих пор.

Вообще в нашей семье существовало настоящее преклонение перед Толстым. Читали его книги, много говорили, спорили о нем. Моя мать увлеклась толстовскими идеями, особенно в области воспитания, и даже применяла их на деле. Я очень благодарен ей и считаю, что многим в своем характере обязан этому влиянию. И сам, будучи отцом, а потом и дедом, старался использовать лучшее из педагогического опыта моей матери.

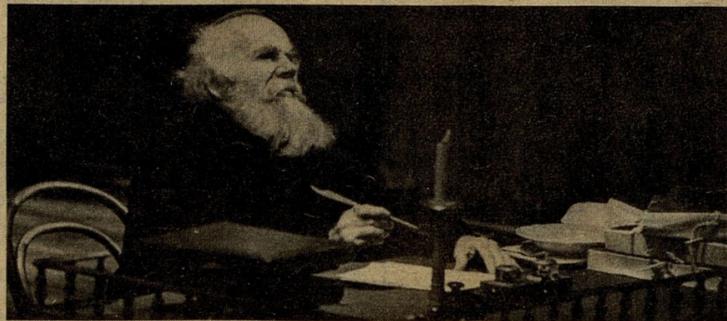
Мы жили в Москве недалеко от хамовнического дома Льва Николаевича. Толстой был еще жив и иногда бывал в городе. Я не раз слышал, что родители собирались пойти, чтобы взглянуть на него — хотя бы издали. Кажется, так и не вышло. И сейчас сильно жалею об упущенной единственной возможности — увидеть Толстого...

— При каких обстоятельствах произошла ваша первая творческая встреча с толстовским наследием?

— Любовь к Толстому прошла через всю мою сознательную жизнь. С годами она росла, крепла. Больше того: творчество Толстого постепенно становилось для меня

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Интервью с народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда И. ИЛЬИНСКИМ

работа над образом Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя» по пьесе И. Друцэ, постановщик Б. Равенских убеждал меня, что опыт исполнения роли Акимы должен мне теперь очень пригодиться, наверное, режиссер был прав, стараясь таким образом рассеять мои сомнения.

— Вы играете Акиму много лет подряд. Изменилось ли в чем-нибудь ваше понимание роли?

— Да, премьера состоялась в 1956 году. Бывали и раньше в истории театра премьеры такой длительной жизни актера в образе. Говорят, что некоторые крупные

жизни Льва Николаевича. Слушал сохранившиеся записи его голоса, подолгу рассматривал фотографии, смотрел старые киноленты, запечатлевшие облик Толстого. Я уже знал его жесты, интонации, манеру поведения и многие черты внешней характеристики и все же на репетициях чувствовал поначалу какую-то скованность неправду в каждом своем движении. Внимание задерживалось на любой детали, я думал о мелочах, и это мешало двигаться к сути образа. Дело пошло успешно, когда я начал искать внутреннее самочувствие в каждом эпизоде, и главное, постарался проникнуть в мысль Толстого,

полный отказ от этих красок мог повести к мельчанию, снижению образа, искажению его смысла. Надо было, балансируя между двумя крайностями, отыскивать особые формы выражения и актерские приемы.

— Какие же мысли, чувства вашего героя оказались наиболее близкими для вас?

— Очень дорога мне одна из идей спектакля, создающих в немалой степени драматизм центрального образа. Это толстовская мысль о том, что каждый человек, проповедующий высокие нравственные принципы, должен сам неукоснительно следовать им. Известно, какие мучительные противоречия испытывал Толстой, вынуждаемый обстоятельствами всей жизни к трудному моральному компромиссу. Глубокий внутренний конфликт был среди причин его ухода из Ясной Поляны. Пьеса Друцэ показывает именно этот, последний период жизни Толстого.

Понятны, близки мне в Толстом его чувственное мировосприятие, любовь к физическому труду, спорту, природе, к животным. Волнует сцена прощания с любимым конем — Делиром, трогает слова Толстого о том, как тяжело с возрастом приходилось ему отказываться от многих жизненных радостей...

Много труднее было воспринять некоторую суровую жестокость решений Толстого по отношению к близким, к семье. Это связано в спектакле с историей знаменитого завещания писателя, лишившего Софью Андреевну и детей наследственных прав на издание его сочинений.

Можно долго разговаривать на эту тему. Но теперь хочу сказать только то, что работу над ролью не считаю вполне законченной и буду по возможности ее продолжать. Но чувство первого удовлетворения я уже испытал, ибо, как говорит в спектакле Толстой, «изредка высшая истина проходила через меня». Может быть, я ошибаюсь, но судить об этом должен зритель.

Путь к образу был очень долгим. Может

«Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство. Простите за глупое сравнение. Любить, как любит глупый человек, это играть сонату без такта, без знаков, с постоянной педалью, но с чувством, не доставляя этим ни себе, ни другим истинного наслаждения. Но для того, чтобы позволить себе отдаться чувству музыки, нужно прежде удерживаться, трудиться, работать, и поверьте, что нет наслаждения в жизни, которое бы давалось так. Все приобретает трудом и лишениями. Но зато, чем тяжелее труд и лишения, тем выше награда. А нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение».

Из письма к В. В. Арсеньевой.

«Как вы живете? Работаете ли вы? Ради Бога, пишите мне. Не смейтесь над словом работать. Работать умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку стругать, что-нибудь, — но в этом первое условие нравственной, хорошей жизни и поэту счастья. Например — я нынче работал, совесть спокойна, чувствую маленькое но гордое самодовольство и чувствую от этого, что я добр. Нынче я бы ни за что не написал вам такого злого письма, как вчера, нынче я чувствую ко всему миру приязнь и к вам именно то чувство, которое я бы желал именно весь век чувствовать. — Ах, ежели бы вы могли понять и прочувствовать, выстрадать так, как я, убеждение, что единственно возможное, и единственное истинное, лучшее и высшее

упряжка — была посвящена тяжелому труду, другая — умственному, третья — ремесленному и четвертая — общению с людьми.

Мне представилось, что тогда только уничтожится то ложное разделение труда, которое существует в нашем обществе, и установится то справедливое разделение труда, которое не нарушает счастья человека».

«Так что же нам делать?»

«Ох, боюсь я всякого принуждать к физической работе. Ведь это вроде принуждения есть суп. Надо, чтоб был голод, голод работы. И он будет».

Из письма к Г. А. Русанову.
«Завидую я вашей суровой, рабочей, близкой к природе, законной жизни. Цените ее. Моя ненормальная, роскошная, гадкая жизнь, не подкрепляемая теперь работой в поле, к которой не решаюсь приступить, всегда тяготит и мучает. Одно спасенье, когда пишешь и веришь, что это важно и нужно людям, а это бывает редко».

Из письма Н. Н. Ге (сыну).
«Самый радостный труд — это труд земледельческий».

«Одно из великих преимуществ трудовой жизни перед праздностью — это серьезность и твердость мыслей рабочего человека перед разном и многообразной случайностью и легкостью мыслей людей праздных».

«Люди привыкли думать, что стряпать, шить, нянчить детей — дело жменное, и

закон природы, даже не потому, что так precisely красноречиво знал он и живописал народную жизнь, историю и быт. Нет. Русский он потому, что главным свойством его любимых героев стала при- сутствующая русскому человеку попытка стать выше души собственной. Не чьей-нибудь, а именно собственной. Это желание подняться над собой, озарить собственное Я своим светом с полной уверенностью, что этого хватит и на других.

Не появившись Толстой, и мы, человечество, были бы лишены чуда, озаряющего наше бытие откуда-то изнутри. Ибо Толстой из тех писателей, свойство произведений которых, — **зажигать свет внутри души человеческой.**

Не появившись Толстой, и не было бы у нас «Войны и мира», «Анны Карениной», «Хаджи Мурата». А этого даже представить себе и то не возможно. Ибо Толстой — часть нашей жизни, вечно живущая душа человеческая.

Мне всегда казалось, что главным предметом изображения великого писателя были не события или случаи, не психологические искривления или конфликтные начала в отношениях человека и государства, а чем Толстой мучительно размышлял. Нет. Главным для писателя была душа человеческая, ее сила и бессилие, ее радости и ужасы, ее слезы и улыбки, ее выход на прямую связь с теми высокими помыслами, которым должны быть подчинены все наши души.

О Толстом так много написано, мне к этому уже трудно или невозможно прибавить что-либо.

Почему-то, говоря о Толстом, мы даже и не вспоминаем о такой, например, любопытной подробности, что он был вегетарианцем. И что это не из гигиенических соображений, нет, а вследствие высокой гуманности. Я был в Индии, меня не удивило, что мудрая, добрая, многонациональная эта страна имя Толстого почитает как имя священное.

Почему-то, говоря о Толстом, мы даже и не вспоминаем о такой, например, любопытной подробности, что он был вегетарианцем. И что это не из гигиенических соображений, нет, а вследствие высокой гуманности. Я был в Индии, меня не удивило, что мудрая, добрая, многонациональная эта страна имя Толстого почитает как имя священное.

Почему-то, говоря о Толстом, мы даже и не вспоминаем о такой, например, любопытной подробности, что он был вегетарианцем. И что это не из гигиенических соображений, нет, а вследствие высокой гуманности. Я был в Индии, меня не удивило, что мудрая, добрая, многонациональная эта страна имя Толстого почитает как имя священное.

Цель этого моего краткого слова — желание сказать: идите к Толстому, познавайте его. Толстой неисчерпаем. Он, словно гора, стоит неколебимо и излучает свет на весь на имеющий ни конца, ни начала мир человеческий. Черный мышонок непротравленного зла и прочее так называемое толстовство не есть создание этой горы — это лишь игра теней у подножия гигантской белоголовой скалы, которая не преклонялась ни перед суровой действительностью, ни перед царским строем, ни перед насильем и лицемерием.

Толстой для меня — это умение светлеть мыслить. Толстой — это стремление к нравственному совершенству, стремление воспитывать в себе силу, чистоту, беспредельное трудолюбие.

Толстой — это умение идти своей дорогой гордо, уверенно и красиво, сопротивляясь злу.

Толстой — это высокая мечта, на вершине которой светится познавшая себя душа всечеловеческая.

В. ГОНЧАРОВ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. (1849 год).

«Война и мир»... Это — великое произведение великого писателя, — и это подлинная Россия».

И. С. ТУРГЕНЕВ.

«...Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не сделаешь, не так страшно, как Толстой делает за всех».

Его деятельность служит оправданием тех чаяний и надежд, какие на литературу возлагаются».

А. П. ЧЕХОВ.

«В сущности — ужасно глупо называть человека гением. Совершенно непонятно, что такое гений? Гораздо проще и яснее говорить — Лева Толстой...»

М. ГОРЬКИЙ.

«Человек, прочитавший Толстого, выносит из этого события своей жизни ощущение, что он обрел какую-то новую проницательность, больше стал понимать и сама мысль его стала масштабнее».

ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ.

«Все человечество узнает себя в его творениях, ибо он сам вмещал в себя то, что присуще всему человечеству».

АНРИ ТРУАЙЯ.

«И поныне поразительно, сколько знал он человеческого и во внешних проявлениях и в сокровенных его сторонах».

ИМРЕ ДОБОЗИ.

«Величайший и единственный гений современной Европы».

А. БЛОК.

— Игорь Владимирович, недавно вы сыграли на сцене роль Льва Николаевича Толстого — в спектакле Малого театра «Возвращение на круги своя». Было бы интересно узнать о ваших самых ранних впечатлениях, связанных с Толстым.

— Знакомство с Толстым началось у меня очень давно, в раннем детстве. Мне, пятилетнему мальчику, прочитали рассказ, вернее басню в прозе «Старый дед и внучок» из «Первой русской книги для чтения». Если помните, это коротенькая история о том, как ребенок невольно пристыдил родителей за жестокое отношение к дряхлому деду. Она буквально пронзила меня, заставила первый раз понять, как важно внимание, уважение к человеку, особенно в его старости. Острота детского впечатления не изгладилась до сих пор.

Вообще в нашей семье существовало настоящее преклонение перед Толстым. Читали его книги, много говорили, спорили о нем. Моя мать увлеклась толстовскими идеями, особенно в области воспитания, и даже применяла их на деле. Я очень благодарен ей и считаю, что многим в своем характере обязан этому влиянию. И сам, будучи отцом, а потом и дедом, старался использовать лучшее из педагогического опыта моей матери.

Мы жили в Москве недалеко от хамовнического дома Льва Николаевича. Толстой был еще жив и иногда бывал в городе. Я не раз слышал, что родители собирались пойти, чтобы взглянуть на него — хотя бы издали. Кажется, так и не вышло. И сейчас сильно жалею об упущенной единственной возможности — увидеть Толстого...

— При каких обстоятельствах произошла ваша первая творческая встреча с толстовским наследием?

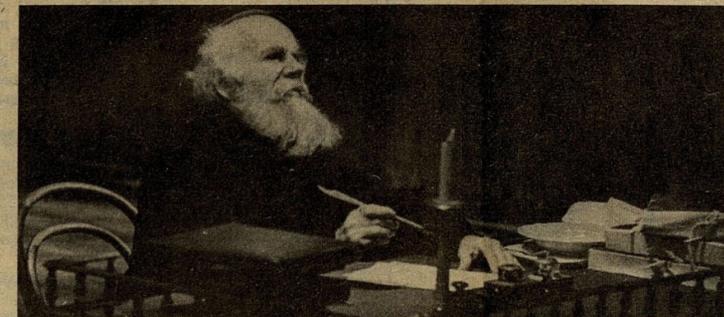
— Любовь к Толстому прошла через всю мою сознательную жизнь. С годами она росла, крепла. Больше того: творчество Толстого постепенно становилось для меня самым близким во всей русской литературе. Все сильнее привлекала его исполнская личность. Понятно, что я как актер давно мечтал о том, чтобы попробовать силы в исполнении произведений Толстого. Но в театре много лет не доводилось встретиться с его образами. Долго не решался начать чтение Толстого с концертной эстрады. Считалось, что моему амплуа больше соответствует ранний Чехов, Зощенко. А я думал о лучших страницах «Войны и мира» — встреча с дубом, поле Аустерлица, свидание Наташи с умирающим князем Андреем... Решился, однако, начать с «Истории Карла Ивановича». Было это в начале 30-х годов. Помню страх перед первым выступлением и ощущение полного провала после концерта. И все же я не бросил этого дела, продолжал работать, искать. Усилил, как видно, не пропали даром. Во всяком случае отрывок и поныне находится в моем активном репертуаре.

— Большой успех принесло вам выступление в образе Акимы из спектакля Малого театра «Власть тьмы»...

— Думаю, что в этой работе больше всего помогла мне вера в Толстого, в его глубокую правду, справедливость и истинность нравственных начал. Пока не пришло это абсолютное доверие автору, было очень сложно разбираться во всех тонкостях роли. А потом я начал понимать, что любая мелочь в ней, даже самые, казалось бы, незначительные слова Акимы, вроде его знаменитых «тае» и «значит», несут свою очень важную смысловую нагрузку. Играл Акимы, стал испытывать наслаждение от того, что мог высказать толстовскую мысль, говорить как бы от имени самого Толстого. Ведь не раз замечалось, как близки многие суждения Акимы мировоззрению его великого создателя. Кстати, когда началась

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Интервью с народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда И. ИЛЬНИНСКИМ

работа над образом Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя» по пьесе И. Друцэ, постановщик Б. Равенских убедил меня, что опыт исполнения роли Акимы должен мне теперь очень пригодиться, наверное, режиссер был прав, стараясь таким образом рассеять мои сомнения.

— Вы играете Акимы много лет подряд. Изменилось ли в чем-нибудь ваше понимание роли?

— Да, премьера состоялась в 1956 году. Бывали и раньше в истории театра примеры такой длительной жизни актера в образе. Говорят, что некоторые крупные мастера, отточив роль до полного совершенства, позволяли себе подолгу ничего в ней не менять. Я, признаться, не верю этому. Не может артист быть одинаковым из вечера в вечер. Это противоречит самой природе театра. Неизбежно, даже против воли артиста, происходит эволюция образа, существует момент импровизации — новый на каждый день. Не только Акимы я играю так долго. С образом Аркаши Счастлищева из «Леса» я неразлучен более полувека. Но каждый год — буквально — переосмысливаю старые роли с учетом стремительно меняющейся жизни, новых представлений об актерском искусстве. Стараясь играть тоньше и прочее. Приходится непрерывно пускаться в образ новую кровь, чтобы сохранить непосредственность и свежесть чувства. Гибельно для художника — отстать от времени, остановиться на достигнутом. Надо всегда искать проявлений подлинной жизни в характере, а не довольствоваться лишь копированием ее внешних примет.

— Расскажите, пожалуйста, как вы готовили роль Льва Толстого.

— Сложность работы была поистине огромной. Я уже упоминал о некоторых колебаниях — смогу ли сыграть такую роль. Признаюсь, эти чувства посещали меня не раз, и временами я даже помышлял об отказе. Теперь рад, что решимость превозмогла сомнения. Судьба подарила мне великое творческое счастье. И здесь хочу еще раз от души поблагодарить режиссера Бориса Равенских и автора пьесы Иона Друцэ за их труд, помощь и большую веру в мои актерские и человеческие силы.

Конечно, в период работы над спектаклем я очень много читал и самого Толстого, и воспоминания о нем. Бывал вместе с постановочной группой в Ясной Поляне и московских музеях, встречался со специалистами по изучению творчества и

жизни Льва Николаевича. Слушал сохранившиеся записи его голоса, подолгу рассматривал фотографии, смотрел старые киноленты, запечатлевшие облик Толстого. Я уже знал его жесты, интонации, манеру поведения и многие черты внешней характеристики и все же на репетициях чувствовал поначалу какую-то сковывающую неправду в каждом своем движении. Внимание задерживалось на любой детали, я думал о мелочах, и это мешало двигаться к сути образа. Дело пошло успешнее, когда я начал искать внутреннее самочувствие в каждом эпизоде, и главное, постарался проникнуть в мысль Толстого, сжиться с ней, сделать своей. Тогда-то и появилась определенная свобода поведения, и я перестал замечать то, что так мешало раньше.

Хотел бы упомянуть еще об одной сложности. Я очень опасался, играя Толстого, впасть в назидательный, поучительный тон, как-то: специально подчеркивать мудрость, значительность, величие его личности. Это, казалось мне, способно ополщить исполнение. С другой стороны,

полный отказ от этих красок мог повести к мельчанию, снижению образа, искажению его смысла. Надо было, балансируя между двумя крайностями, отыскивать особые формы выражения и актерские приемы.

— Какие же мысли, чувства вашего героя оказались наиболее близкими для вас?

— Очень дорога мне одна из идей спектакля, создающих в немалой степени драматизм центрального образа. Это толстовская мысль о том, что каждый человек, проповедующий высокие нравственные принципы, должен сам неукоснительно следовать им. Известно, какие мучительные противоречия испытывал Толстой, вынуждаемый обстоятельствами всей жизни к трудному моральному компромиссу. Глубокий внутренний конфликт был среди причин его ухода из Ясной Поляны. Пьеса Друцэ показывает именно этот, последний период жизни Толстого.

Понятны, близки мне в Толстом его чувственное мировосприятие, любовь к физическому труду, спорту, природе, к животным. Волнует сцена прощания с любимым конем — Делиром, трогает слова Толстого о том, как тяжело с возрастом приходилось ему отказываться от многих жизненных радостей...

Много труднее было воспринять некоторую суровую жестокость решений Толстого по отношению к близким, к семье. Это связано в спектакле с историей знаменитого завещания писателя, лишившего Софью Андреевну и детей наследственных прав на издание его сочинений.

Можно долго разговаривать на эту тему. Но теперь хочу сказать только то, что работу над ролью не считаю вполне законченной и буду по возможности ее продолжать. Но чувство первого удовлетворения я уже испытал, ибо, как говорит в спектакле Толстой, «изредка высшая истина проходила через меня». Может быть, я ошибаюсь, но судить об этом должен зритель.

Путь к образу был очень долгим. Может быть, на протяжении всей жизни. Но теперь, мне кажется, я по-настоящему почувствовал, ощутил всем своим существом мирообъемлющий размах гигантской личности величайшего художника, мыслителя, гуманиста.

Вел беседу А. ВОЛЧАНСКИЙ.

НА СНИМКЕ: «Возвращение на круги своя». В роли Льва Толстого Игорь Ильинский.

Фото И. ЕФИМОВА.

ряд все письма И. И. Толстого к В. В. Арсеньевой, в которую он был влюблен в 1856—1858 годах, то можно с полным основанием сказать: в них звучит не только гимн любви, но и гимн труду. Впрочем, у Толстого эти два понятия очень тесно связаны. Любовь может сделать труд особенно радостным, вдохновенным, торжествующим. Высшее счастье видит Толстой в труде, самоотвержении и любви. Понятие труда становится у него понятием жизни, счастливой жизни. Известно знаменитое письмо Толстого к А. А. Толстой, написанное в октябре 1857 года, в котором он писал: «Только честная тревога, борьба и труд, основанный на любви, есть то, что называется счастьем».

Счастье и труд стоят рядом.

В ранние годы укреплялся в Толстом мысль о том, что каждый человек должен любить физический труд. Для него само это стало первойшей потребностью. В письмах и дневниках 1860-х, 1870-х, 1880-х годов находим знаменательные записи: «Тоскую без физической работы», — записывает в дневнике 56-летний Толстой. «Меня так и тянет косить, рубить», — признается в письме к Черткову 57-летний Толстой. «Встал в 6 возил сено срез 5 возов и косил», — подобными записями за-

года Толстому шел 62-й год. Занятия физическим трудом (Толстой отлично владел всеми видами крестьянского труда) давали ему, кроме всего прочего, подлинное вдохновение, успокаивали разгоряченный ум, помогали обрести душевное равновесие. В горькие минуты, когда Толстому казалось, что он потерял главное направление в жизни (таких минут было много у него в начале 60-х годов, в период временного охлаждения к литературной работе после неудачи с «Семейным счастьем»), он упрямо твердил самому себе: «Одно средство жить — работать».

Переход от физического труда к умственному был для Толстого так же радостен, как и увлечение крестьянской работой в поле. Он признался в письме к Б. Чичерину от 21—23 августа 1858 г.: «Я не могу заниматься чем-нибудь немощно, от этого я и тобой не занимался, теперь же, в эту минуту, я весь в тебе и отдал бы все скирды, сложенные моими трудами, за вечер с тобой. — Хочется опять умственных волнений и восторгов, которые, однако, мне так надоели, что я 4 месяца отдыхал от них в 4 месяца». — Хочется опять слушать тебя, разгадывать, даром, мгновенно, ловить трудом выработанную мысль, усвоивать их, целплять одну за другую и строить миры новые, гро-

С чувством горечи, боли и стыда наблюдал Толстой жизнь своей семьи, где было достаточно праздных людей. «Легкомыслие, барство, нежелание трудиться» — вот что видел Толстой в окружающей его повседневной жизни. Видел — и глубоко страдал. Было невыносимо тяжело участвовать в этой жизни, временами охватывало отчаяние и тоска («В слабые минуты хочется умереть»), стыдно было даже видеть, как тяжело трудятся другие («Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали»). И все яснее становилось, что даже самые близкие «не то что не поймут, но даже не обратят внимания на твои чувства». (См. письмо к М. Л. Оболенскому 12 января 1897 г.).

В сердце Толстого прочно перепелась боль, вызванная трагедией личной жизни, с болью за страдания миллионов людей.

В борьбе за человек коммунистического завра высказывания Толстого о труде по-прежнему действительны. Он учит молодежь находить свое место в жизни, любить свое дело, быть мастером, умельцем, талантливым тружеником.

Б. ШУМОВА, научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого.

«Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство. Простите за глупое сравнение. Любить, как любит глухой человек, это играть сонату без такта, без знаков, с постоянной педалью, но с чувством, не доставляя этим ни себе, ни другим истинного наслаждения. Но для того, чтобы позволить себе отдалиться чувству музыки, нужно прежде удерживаться, трудиться, работать, и поверьте, что нет наслаждения в жизни, которое бы давалось так. Все приобретается трудом и лишениями. Но зато, чем тяжелее труд и лишения, тем выше награда. А нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение».

Из письма к В. В. Арсеньевой.

«Как вы живете? Работаете ли вы? Ради Бога, пишите мне. Не смеетесь над словом работать. Работать умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку стругать, что-нибудь, — но в этом первое условие нравственной, хорошей жизни и поэту счастья. Например — я нынче работал, совесть спокойная, чувствую маленькое не гордое самодовольство и чувствую от этого, что я добр. Нынче я бы ни за что не написал вам такого злого письма, как вчера, нынче я чувствую ко всему миру приязнь и к вам именно то чувство, которое я бы желал именно весь век чувствовать. — Ах, ежели бы вы могли понять и прочувствовать, выстрадать так, как я, убеждение, что единственно возможное, единственно истинное, вечное и высшее счастье дается тремя вещами: трудом, самоотвержением и любовью».

Из письма к В. В. Арсеньевой.

«И мне представилось, что лучше всего бы было чередовать занятия дня так, чтобы упражнять все четыре способности человека и самому производить все те четыре рода блага, которыми пользуются люди, так, чтобы одна часть дня — первая

упражка — была посвящена тяжелому труду, другая — умственному, третья — ремесленному и четвертая — общению с людьми».

Мне представилось, что тогда только уничтожится то ложное разделение труда, которое существует в нашем обществе, и установится то справедливое разделение труда, которое не нарушает счастья человека».

«Так что же нам делать?».

«Ох, боюсь я всякого принуждать к физической работе. Ведь это вроде принуждения есть суп. Надо, чтоб был голод, голод работы. И он будет».

Из письма к Г. А. Русанову. «Завидую я вашей суровой, рабочей, близкой к природе, законной жизни. Цените ее. Моя ненормальная, роскошная, гадкая жизнь, не подкрепляемая теперь работой в поле, к которой не решаюсь приступить, всегда тяготит и мучает. Одно спасенье, когда попишешь и веришь, что это важно и нужно людям, а это бывает редко».

Из письма Н. Н. Ге (сыну).

«Самый радостный труд — это труд земледельческий».

«Одно из великих преимуществ трудовой жизни перед праздностью — это серьезность и твердость мыслей рабочего человека перед разном и многообразной случайностью и легкостью мыслей людей праздных».

«Люди привыкли думать, что стирать, шить, нянчить детей — дело женское, и что делать это мужчине даже стыдно. А между тем, напротив, того, стыдно мужчине, часто незанятому, проводить время за пустяками или ничего не делать в то время, как устающая, часто слабая, беременная женщина через силу стирает, нянчит».

Путь жизни, 1910.

«Одно из самых удивительных заблуждений — заблуждение о том, что счастье человека в том, чтобы ничего не делать».

(Фотохроника ТАСС).